

- ¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. Д. 10. Л. 33.
- ² Гл.: Документы внешней политики (ДВП) СССР: в 24 т. / Г. К. Деев и др. М., 1958. Т. 2. С. 312–313, 331–333.
- ³ Гл.: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich: w 41 t. / W. Gostyńska. Warszawa, 1961. Т. 2. С. 533–534.
- ⁴ Гл.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Д. 22. Л. 1–3.
- ⁵ Гл.: Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. / И. И. Костюшко и др. М., 1994. Ч. 1. С. 45–46.
- ⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–2.
- ⁷ Гл.: Польско-советская война 1919–1920... С. 43.
- ⁸ Гл.: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 158. Л. 2–4.
- ⁹ Гл.: Польско-советская война 1919–1920... С. 68.
- ¹⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 158. Л. 3.
- ¹¹ Полное собрание сочинений В. И. Ленина: в 55 т. / В. А. Горбунов и др. М., 1981. Т. 41. С. 164, 167.
- ¹² Гл.: ДВП СССР: в 24 т. / Г. К. Деев и др. М., 1958. Т. 2. С. 355–357.
- ¹³ Гл.: Rataj M. Pamiętniki 1918–1927. Warszawa, 1965. S. 80.
- ¹⁴ Гл.: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich: w 41 t. Т. 2 / W. Gostyńska. Warszawa, 1961. S. 583–585, 638–641.
- ¹⁵ Гл.: Gomółka K. Rozmowy polsko-białoruskie (marzec 1920 r.) // Dzieje najnowsze. 1988. S. 3–13.
- ¹⁶ Гл.: Лазько Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. // Białorus w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki. Toruń, 2007. S. 325–337.
- ¹⁷ Гл.: НАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 58.
- ¹⁸ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2 кн.: Кн. 1. 1917–1920 гг. / С. Шупа. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. С. 657.
- ¹⁹ Гл.: НАРБ. Ф. 368. Оп. 1. Д. 24. Л. 7, 10.
- ²⁰ Гл.: Радек К. Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала. М., 1924. С. 16.

Паступіў у рэдакцыю 22.02.13.

Вольга Мікалаеўна Бароўская – аспірантка аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. М. Літвін.

УДК 940.5:32

Е. А. ГРЕБЕНЬ

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

На основе материалов областных архивов рассматриваются социальные аспекты нацистской оккупации Беларуси. Характеризуется положение пенсионеров, инвалидов, воспитанников детских домов и других социально незащищенных категорий граждан. Отмечается, что война и оккупация привели к резкому ухудшению материального положения населения Беларуси. Делается вывод, что тратившиеся коллаборационной администрацией на социальные нужды скудные средства практически не облегчали катастрофического положения социально незащищенных категорий граждан.

Ключевые слова: социальные аспекты; нацистская оккупация.

Social aspects of the Nazi occupation of Belarus are considered in the article on the materials of regional archives. The position of pensioners, disabled people, orphans and other unprotected groups of citizens is characterized. The author notes that the war and occupation has led to a great deterioration in the income status of the population of Belarus. It is concluded that scarce funds, spend collaboration administration for social needs hardly eased the catastrophic situation of socially vulnerable categories of citizens.

Key words: social aspects; the Nazi occupation.

Социальные аспекты нацистской оккупации Беларуси отечественными и зарубежными исследователями рассматривались фрагментарно, предпринимались лишь попытки изучения проблемы на локальном уровне¹. В то же время, учитывая огромный массив источников, нет оснований считать данную проблему закрытой. Целью статьи является реконструкция социальных последствий нацистской оккупации на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов.

Война и оккупация привели к резкому ухудшению материального положения населения Беларуси; многие граждане лишились имущества. На грани выживания оказались даже молодые, здоровые трудоспособные женщины. В первые месяцы оккупации появилась безработица, мужчины-кормильцы были в армии. В исключительно сложной ситуации оказались малообеспеченные граждане, чьи мизерные пенсии и пособия обрекали их на полуголодное существование. Помимо тотального дефицита продуктов питания проблему составляла покупка промышленных товаров, цены на которые на черном рынке для абсолютного большинства граждан были недоступны, а в государственных магазинах купить одежду и обувь было практически невозможно. В сложившейся ситуации малоимущие граждане могли только апеллировать к коллаборационной администрации с просьбой о помощи. Прошения датированы уже концом августа – сентябрем 1941 г. Среди просителей оказалось много женщин с малолетними детьми, чьи мужья были мобилизованы в армию, и вдов, которые апеллировали к местной администрации с просьбой предоставить продуктовый паек, выделить участок земли, обеспечить работой².

Для многих граждан возникла проблема уплаты налогов. Отдел народного призрения Оршанской городской управы в письме к бургомистру 24.03.1942 г. отмечал, что в довоенное время пенсионеры и инвалиды пользовались льготами по разным видам налогов, от которых освобождались частично или полностью, и что военное лихолетье ухудшило положение таких категорий граждан, в довершение всего

появилось огромное количество новых семей, оказавшихся в бедственном положении. К таковым относились разрозненные семьи, мужчины из которых были мобилизованы в Красную Армию, семьи, чье имущество уничтожено пожарами. Отдел народного призрения отмечал, что для этих семей уплата налогов оказывалась непосильным бременем, и просил бургомистра принять решение по данному вопросу³.

Если рядовые граждане изредка могли рассчитывать на мизерное разовое пособие, то сотрудники коллаборационной администрации, чей доход и без того был выше, чем у обычных рабочих, периодически получали пособия, иногда довольно высокие. Так, в апреле 1944 г. начальник Осиповичского района распорядился выдать единовременное пособие в сумме 2500 руб. начальнику торгово-промышленного отдела районного управления вследствие его «плохого материального положения» и в связи с наступающим праздником Пасхи. С той же мотивацией пособие в размере оклада в 450 руб. было выдано машинистке общего отдела и пособие в 750 руб. секретарю районного управления⁴.

Массовое обращение граждан с просьбой о помощи в районные управы создавало проблему изыскания средств для помощи в случаях, если прошения были мотивированы. В начале 1942 г. начальник Борисовского района, констатируя наплыв просителей, обязал руководителей волостных управ самостоятельно решать подобные просьбы. В обязанность последних вменялось создавать запасы продуктов, собирая их даже принудительным способом у крестьян, у которых они имелись, и продавать эти продукты по государственным ценам нуждающимся. Со ссылкой на фельдкомендатуру начальник района сообщал волостным бургомистрам о привлечении их к ответственности, в случае если они не сумеют обеспечить население продуктами⁵.

Коллаборационная администрация столкнулась с проблемой обеспечения инвалидов и пенсионеров, учет которых начался осенью 1941 г. В Могилеве регистрация пенсионным подотделом инвалидов и пенсионеров проходила с 06.11.1941 г. по 25.11.1941 г. По состоянию на 25.11.1941 г. в Могилеве было зарегистрировано 1388 чел. инвалидов и пенсионеров, 60 чел. инвалидов войны и 61 чел. из категории материально необеспеченных, всего 1509 чел., которым выплачивалась пенсия. Некоторые инвалиды и пенсионеры были вынуждены сами работать или имели работающих членов семьи. Приведенные выше статистические данные пенсионный отдел считал предварительными, отмечая, что ряд граждан проживают в окрестностях города и еще будут являться в пенсионный отдел, а значит, количество заявлений о пособиях вырастет, притом многие граждане нуждаются в срочной помощи деньгами и продуктами. Для рассмотрения ходатайств предлагалось создать пенсионную комиссию, которая работала бы и после удовлетворения основной массы заявлений, собираясь в дальнейшем 2–3 раза в месяц. Размер пенсий предлагалось установить не ниже довоенного минимума в 25–50 руб. Для инвалидов размер пособия зависел от группы инвалидности (I группа – 50 руб., II группа – 40 руб. и III группа – 25 руб.). Для иждивенцев умерших кормильцев предусматривалось пособие в 30 руб. на одного иждивенца, 40 руб. – при наличии 2 иждивенцев и 50 руб. – для 3 и более иждивенцев. Рассматривалась возможность выдавать большие по сравнению с обычным пособием суммы лицам, пострадавшим от советской власти. В течение февраля 1942 г. было зарегистрировано еще 10 чел. иждивенцев, которым была назначена пенсия. К имевшимся ранее заявлениям поступили заявления 126 граждан, было выдано пособие 598 гражданам (инвалиды труда и войны – 202 чел., семьи умерших кормильцев – 226 чел., пенсионеры по старости – 52 чел., пенсионеры за выслугу лет – 18 чел., материально необеспеченные граждане – 90 чел., лица, получившие пособия на похороны, – 10 чел.)⁶. На основании приказа по Тереховскому районному управлению от 11.12.1941 г. вплоть до издания немецкими властями распоряжения о пенсиях была установлена временная пенсия в размере 40–100 руб. в месяц, исходя из имущественного и семейного положения пенсионеров⁷. Мизерный размер пенсий виден также из операционного дневника отдела социального обеспечения Витебской городской управы. Так, 26.11.1941 г. в операционный дневник были внесены 32 чел., которым была назначена пенсия в размере 30–157,1 руб., 28.11.1941 г. были зарегистрированы еще 23 чел., получавших пенсию от 40 до 208,94 руб., максимальный размер пенсии в 150–200 руб. получали считанные единицы, к тому же она не давала возможности человеку оплачивать коммунальные платежи и покупать продукты питания, а пенсии в 30–40 руб. выглядели просто смехотворно⁸.

В результате боевых действий многие дети лишились родителей и были определены в детские дома, которые не были эвакуированы. Некоторые граждане обращались в местную администрацию с просьбой принять детей в детдом, поскольку прокормить их не было никакой возможности⁹. Приток детей в детдома происходил регулярно, проблема сирот была актуальной на протяжении всего периода оккупации. Бобруйская городская управа 16.09.1943 г. направила на воспитание в детский дом № 1 пятилетнюю девочку, доставленную в город венгерскими военнослужащими¹⁰. В одной из школ в Осиповичах в 1943 г. учились 50 учеников, исключительно воспитанники детских домов¹¹.

Уже с первых дней оккупации материальное положение детдомов и других учреждений социального обеспечения было исключительно тяжелым. Переписка органов коллаборационной администрации содержит как приукрашенные отчеты, так и документы, дающие реальную картину. Так, 25.09.1941 г. был составлен акт обследования детского дома № 3 г. Бобруйска за подписью школьного инспектора. Чиновник констатировал отсутствие режима дня и питания: «...подъем происходит не организованно: часть детей одета, часть поднимается, а несколько лежат на кроватях в верхней одежде». Отмечались проблемы с дисциплиной (нежелание детей убирать территорию, дерзость по отношению к старшим,

самовольные отлучки из детдома), антисанитария: «...в помещении дети сидят в пальто и шапках, под кроватями целые склады грязной обуви, чулок и белья (спальня девочек). Во дворе возле спальни устроена уборная». Очевидно, имелись проблемы с отоплением (отмеченное выше нахождение детей в помещении в верхней одежде) и обеспечением продуктами (в отчете упоминались походы детей за яблоками)¹². Подобная удручающая картина жизни и быта воспитанников детдома наблюдалась уже через несколько месяцев после начала оккупации, и со временем положение только ухудшалось. Исключительно сложной была ситуация с питанием в Браславском детском доме, в котором в июле 1943 г. проживало 30 детей. Начальник района апеллировал к зондерфюреру с просьбой выделить детям картофель, который являлся единственным продуктом в рационе воспитанников¹³.

На заседании Осиповичского районно-городского управления 20.03.1944 г. был рассмотрен вопрос о работе детского дома, которая охарактеризовалась как неудовлетворительная. Было отмечено, что воспитанники не аккуратно являются на работу, часто произвольно оставляют ее, дети болтаются по городу и выпрашивают у прохожих копейки. Проведивший ревизию детдома чиновник отметил мизерный продуктовый паек детдомовцев, антисанитарное состояние детдома, необходимость ремонта здания. Сотрудники районно-городского управления, начальник отдела просвещения, заведующий детдомом обвинили друг друга в создавшейся ситуации; отмечалось, что детдому поставлялось мыло, достаточное количество продуктов и что нужно было их правильно расходовать. Для самих детей эффект от подобных совещаний был мизерный. В апреле 1944 г. бургомистр Осиповичей констатировал недостаток в детском доме постельных принадлежностей и костюмов для мальчиков, обувь для воспитанников практически отсутствовала, имеющиеся 10 % от необходимого количества обуви требовали ремонта¹⁴.

Ужасающие условия повседневной жизни воспитанников детдомов вынуждали их самостоятельно добывать пропитание. Некоторые из воспитанников летом покидали детдом и нанимались к крестьянам в качестве пастухов. Уход из детдомов стал настолько массовым явлением, что начальник Клецкого района был вынужден весной 1943 г. потребовать от волостных управ вернуть детей в детдом¹⁵. Иногда отправка детей на работы происходила с санкции руководства детдома, как, например, в Могилеве, где осенью 1943 г. детдомовцы посылались на работу в пригородное хозяйство Любуж, откуда должны были доставлять в детдом картофель. Один из воспитанников был задержан полицией 05.11.1943 г. из-за отсутствия документов и помещен в арестный дом. Для его освобождения потребовалось вмешательство бургомистра, который сообщил начальнику полиции, что воспитанникам детских домов документов не выдают¹⁶.

Поскольку содержание детдомов лежало тяжелым грузом на органах местной администрации, последняя стремилась минимизировать количество воспитанников путем розыска их родственников или потенциальных опекунов. Начальник Оршанского района в письме к бургомистру Росско-Селецкой волостной управы из-за перегруженности и тяжелого материального положения детдома предлагал, по возможности, разыскать родственников двух воспитанников детдома в д. Берестенево и передать им двоих детей, оказав семьям помощь¹⁷.

Оккупационные власти пытались переложить часть расходов по обеспечению детских домов на гражданское население. Полоцкая районная управа обращалась через сельских старост к населению с просьбой собрать максимально возможное количество яиц к празднику Пасхи в качестве пожертвования детям, находящимся в детдоме, чтобы, как отмечалось в обращении районной управы, «и им дать почувствовать возможность праздника Пасхи». Волостным бургомистрам и старостам предлагалось напомнить местным жителям о том, что детям нечего одевать, и районная управа будет благодарна, «если кто-то пожертвует ненужное ему тряпье»¹⁸. Несмотря на исключительно тяжелое материальное положение абсолютного большинства граждан, некоторые из них откликнулись на призыв местной администрации, жертвуя продукты и одежду нуждающимся¹⁹.

Суровые будни оккупации, тяжелый труд, борьба за выживание взрослых приводили к тому, что многие дети, даже имеющие родителей, были часто предоставлены сами себе, что приводило к беспризорности, криминализации детского досуга. У детей, по определению немецкого историка Б. Кьяри, было украдено детство²⁰. Отсутствие контроля над детьми вызывало тревогу у оккупационных властей. Так, в феврале 1943 г. Барановичский гебитскомиссар констатировал, что многие дети школьного возраста посещают кинотеатры без сопровождения взрослых. В результате был издан запрет на посещение кинотеатров детьми до 16 лет²¹. Проблема беспризорности находилась также в центре внимания Белорусской самопомощи. Иногда борьба с этим явлением велась довольно оригинально. Барановичский окружной комитет Белорусской самопомощи на основе письма Централы БСП в Минске предписывал районным комитетам совместно с Союзом белорусской молодежи вести «самую жестокую борьбу» с нищенствующими на улицах детьми, которых следовало задерживать и отводить к родителям; последним следовало приказать не пускать больше детей на улицу для попрошайничества. Пойманных детей-сирот следовало направлять в Барановичи для последующего помещения в детские дома²². Сотрудник Лепельской районной управы усматривал причины криминализации детского досуга в «тяжелом наследии советской школы», а также в том, что «за годы войны, когда должное внимание воспитанию детей не было уделено, их безнравственность еще больше усилилась». Отмечалось, что многие дети, вместо того, чтобы учиться, шатаются по городу и занимаются хулиганством, дерутся, портят пустующие дома. Это же касалось и детей, которые посещали школу. Исходя из вышеизложенного,

родителям и опекунам детей приказывалось ежедневно отправлять в школу детей в возрасте от 8 до 15 лет, нести ответственность за их поведение; учителя были обязаны усилить воспитательную работу; отделу пропаганды предписывалось организовать просмотр детских кинофильмов. Детей с асоциальными наклонностями предполагалось изымать из-под родительской опеки и отправлять в детский трудовой лагерь. Директору Лепельской 7-классной школы предписывалось до 05.04.1943 г. выдать всем учащимся удостоверения; детям 12–15 лет, не посещающим школу, удостоверения должна была выдать Лепельская городская управа²³.

Следствием боевых действий на территории Беларуси летом 1941 г. стало значительное количество брошенных боеприпасов, которые вызывали интерес у детей, нередко заканчивавшийся трагически. Начальник Клецкого района в письме к волостным управам 03.06.1942 г. отмечал, что в последнее время происходят несчастные случаи с детьми, которые играют с оружием и другими военными материалами. Предписывалось вывесить объявления, информирующие местное население о проблеме; лицам, доносившим о подобных фактах, обещалась награда²⁴.

Перемещая гражданское население из прифронтовой полосы на запад, немцы не проявляли большого интереса к их судьбе (особенно если речь шла о нетрудоспособных гражданах), поручая беженцев заботам местной администрации, которая имела весьма ограниченные возможности по их приему и обустройству. Например, 22.10.1943 г. на имя бургомистра Бобруйска поступило заявление глухонемой гражданки, эвакуированной немецкой воинской частью из Гомеля и оставленной на жительство в Бобруйске без каких-либо средств к существованию. Бобруйское городское управление определило просительницу в дом инвалидов как нетрудоспособную²⁵. Положение беженцев характеризует донесение чиновника Бобруйского городского управления бургомистру по итогам обследования условий, в которых проживали беженцы в январе 1943 г. Отмечалось, что в городе очень часто можно встретить большое количество одиноких беспризорных стариков, калек, ютящихся по чужим углам, вызывая раздражение, ругань и упреки со стороны местных жителей, к которым их подселили, и что «эти несчастные старики и старушки влачат жалкое существование». В донесении содержалась мысль о необходимости создания для этих людей «минимально человеческих условий существования», например, организовав при лагере беженцев дом инвалидов²⁶. Не имея достаточных средств для обеспечения беженцев, городское управление инициировало сбор вещей у горожан²⁷.

Уже осенью 1941 г. наблюдалась высокая смертность среди беднейшей части граждан и, как следствие, возникала проблема погребения умерших, многие из которых не имели родственников либо у родственников не находилось средств на организацию похорон. Отдел социального обеспечения Витебской городской управы с сентября 1941 г. регулярно обращался в хозяйственный отдел управы с просьбой выделить мануфактуру на погребение умерших инвалидов и пенсионеров; очевидно, в то время умерших даже не укладывали в гроб²⁸. В административной переписке фигурируют как умершие из числа пенсионеров и инвалидов горожане, так и беженцы, большое количество последних к 1943 г. было размещено в городе, а также беспризорные, многие из которых умирали в городской больнице. Например, 03.04.1943 г. полиция просила похоронное бюро убрать труп неизвестного мужчины, скончавшегося двумя днями ранее на 1-й Пролетарской улице; 17.04.1943 г. полиция просила похоронить мужчину, найденного на берегу Двины около дрожжевого завода; 25.03.1943 г. был найден труп неизвестного мужчины на аэродроме. Марковская больница 09.04.1943 г. просила похоронить двух беспризорных мужчин и пятерых умерших новорожденных детей²⁹. За первый квартал 1942 г. похоронное бюро подготовило 462 могилы для взрослых, 52 могилы для детей, реализовало 30 гробов для взрослых и 4 – для детей³⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась в г. Лунинце, где Украинский комитет взаимопомощи 10.01.1944 г. обращался к Лунинцевской волостной управе с просьбой выделить рабочих для похорон 7-летнего ребенка из числа эвакуированных, умершего в больнице. С 04.01.1944 г. по 22.01.1944 г. с аналогичной просьбой комитет обратился о погребении еще 5 беженцев, умерших в больнице; 15.01.1944 г. поступила просьба помочь в погребении ребенка, умершего от разрыва бомбы³¹.

Суровыми реалиями повседневности для пенсионеров и инвалидов стали голод, прошение подавания и, как результат, высокая смертность среди них. Коллаборационная администрация понимала всю глубину социальных проблем, но имела скудные ресурсы для их решения и ограниченные возможности для принятия решений, поскольку не обладала самостоятельностью. К тому же значительная часть средств выделялась в виде помощи самим же сотрудникам коллаборационной администрации и лояльным к оккупационному режиму лицам. Тратившиеся на социальные нужды скудные средства практически не облегчали катастрофического положения социально незащищенных категорий граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

¹ См.: Беляев А. В. Социально-экономическое положение населения Витебска в период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.) // История слов'янских народов: актуальні проблеми дослідження. Вип. 6. Слов'янські народи в Другій світовій війні: зб. наукових праць / Відповідальний ред. П. М. Чернега. Київ, 2000. С. 186–188.

² См.: Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 42, 78.

³ См.: Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 2074. Оп. 1. Д. 8. Л. 292.

⁴ См.: Государственный архив Могилевской области (ГАМГО). Ф. 845. Оп. 2. Д. 1. Л. 40, 41.

⁵ См.: Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 624. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁶ См.: ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–6, 10.

⁷ См.: ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

- ⁸ См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 4. Д. 13. Л. 1–2.
⁹ См.: ГАВО. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 10. Л. 32, 32 об.
¹⁰ См.: ГАМГО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 2. Л. 73.
¹¹ См.: ГАМГО. Ф. 847. Оп. 2. Д. 1. Л. 58.
¹² См.: ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.
¹³ См.: ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 130. Л. 23.
¹⁴ См.: ГАМГО. Ф. 845. Оп. 2. Д. 1. Л. 44, 14.
¹⁵ См.: ГАМО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 5. Л. 124.
¹⁶ См.: ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Л. 176.
¹⁷ См.: ГАВО. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 6. Л. 135.
¹⁸ ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.
¹⁹ См.: ГАМГО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 1. Л. 46.
²⁰ См.: К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. Мінск, 2005. С. 210–220.
²¹ См.: ГАМО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 68. Л. 88.
²² См.: ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.
²³ См.: ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 6. Л. 31, 47, 48.
²⁴ См.: ГАМО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.
²⁵ См.: ГАМГО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 1. Л. 24, 41.
²⁶ См.: ГАМГО. Ф. 858. Оп. 33. Д. 89. Л. 7.
²⁷ См.: ГАМГО. Ф. 858. Оп. 3. Оп. 1. Л. 44, 45.
²⁸ См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 4. Д. 6. Л. 1, 4, 9, 12, 15, 23, 27.
²⁹ См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 5. Д. 4. Л. 1, 4, 6, 8, 16, 17, 31, 33, 45.
³⁰ См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 5. Д. 1. Л. 24.
³¹ См.: Государственный архив Брестской области. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–5.

Поступила в редакцию 21.01.13.

Евгений Александрович Гребень – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории БГАТУ.

УДК 94(47).084.9

Н. Е. ОРЛОВА

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИКОВ

Рассматриваются взгляды западных политических деятелей на перестройку в СССР. Отмечается, что в условиях глобализации перестройка в СССР оказала огромное влияние на мировую обстановку, изменив всю конфигурацию международных отношений. В свою очередь, одновременно с процессом реформирования советское общество испытывало на себе заметное воздействие внешнеполитического фактора. До сих пор разброс в оценках перестроечного процесса в Советском Союзе очень велик, что обусловлено прежде всего неоднозначностью этого события в новейшей истории. Вместе с тем представители политических и общественных кругов Запада перестройку в СССР в целом оценивают положительно. Во многом это объясняется тем, что мировое сообщество с перестройкой связывало демократизацию Советского Союза, окончание холодной войны, реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, объединение Германии, т. е. все те позитивные сдвиги, которые оно приветствовало.

Ключевые слова: перестройка; процесс реформирования; демократизация; советское общество; Запад; международные отношения; мировое сообщество; холодная война.

Views of western politicians at perestroika in the USSR are considered in the article. Under the conditions of globalization perestroika in the USSR had an enormous influence on world situation, after changing entire configuration of international relations. In turn the process of reforming the Soviet society underwent the noticeable action of foreign-policy factor. The spread in the estimations of the process of perestroika in the Soviet Union is very great until now. It is caused, first of all, by the ambiguity of this event in the contemporary history. At the same time the representatives of the political and public circles of the West perestroika in the USSR as a whole positively evaluate. In many respects this explains by the fact that the world community with perestroika connected the democratization of the Soviet Union, the end Cold War, the real reduction of armaments and the deliverance of humanity from the threat of world thermonuclear catastrophe, the association of Germany, i.e., all those positive changes, which it greeted.

Key words: perestroika; process of reforming; democratization; Soviet society; the West; international relations; the world community; Cold War.

Кардинальные перемены в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг. – перестройка, гласность, демократизация – были ответом на назревшие потребности советского общества с его проблемами и неразрешенными противоречиями. В условиях глобализации перестройка в СССР оказала огромное влияние на мировую обстановку, изменив всю конфигурацию международных отношений. Одновременно с процессом реформирования советское общество испытывало на себе воздействие внешнеполитического фактора, который во многом предопределил его дальнейшую судьбу.

В соответствии с «новым политическим мышлением» новое советское руководство внесло существенные коррективы в основополагающие принципы советской внешней политики. Концепция «нового мышления» была озвучена М. С. Горбачевым на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. Ее основные положения, в частности, предусматривали: отказ от вывода о расколе мира на две враждующие политические системы; провозглашение невозможности решения международных противоречий силовыми методами; признание главенства общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными, идеологическими, религиозными и иными¹. Таким образом, советская